

A detailed portrait of Albertus Dürer by Albrecht Dürer. The subject has long, wavy brown hair and a beard, wearing a brown fur-lined garment. The background is dark. In the top left, there is a gold monogram 'AD' with '1500' above it. In the top right, there is a Latin inscription in gold.

1500  
AD

Albertus Dürerus Noricus  
ipsumque propriis sic effin-  
gebam coloribus quavis  
anno xxxviii.

Наталья Басовская

# Средневековье

Самые известные герои истории

# Наталья Ивановна Басовская

## Средневековье. Самые известные герои истории

### Серия «История и наука Рунета»

*indd предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=42356236](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42356236)*

*Наталья Ивановна Басовская Средневековье. Самые известные герои  
истории:*

*ISBN 978-5-17-115697-8*

### **Аннотация**

Истории жизни самых интересных и ярких исторических личностей эпохи средневековья, рассказанные известным историком Натальей Басовской собраны в этой книге. Герои, злодеи, роковые женщины, владыки полумира и бунтари любили, ненавидели, боролись, проигрывали и побеждали много лет назад, но их судьбы волнуют нас до сих пор. Все их тайны приоткрывает перед читателем знаменитый историк. Что связывало Ричарда Львиное сердце и короля Франции? Кто был более жесток, чем герцог Альба? Кого на самом деле любила Жанна д'Арк? Все ответы в этой книге.

*В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.*

# Содержание

Авиценна	5
Алиенора Аквитанская	22
Ричард Львиное сердце	40
Саллах ад-Дин	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Наталья Ивановна  
Басовская  
Средневековье  
*Самые известные  
герои истории***

Серия «История и наука Рунета»

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Дизайн обложки Анны Рахмановой

© Н. И. Басовская, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

\* \* \*

# Авиценна

## *Целитель, мудрец, странник*

Его имя Ибн-Сина, но Европа зовет его Авиценна. Не злодей, не герой. Я бы сказала: интеллектуальное чудо. А его жизнь – словно перелистываешь страницы «1001 ночи». Он родился в 980 году, умер – в 1037-м. Много ездил, жил в разных местах. Скончался где-то в Иране, там и похоронен. Чем славен этот человек в истории?

Величайший медик, сравнимый с Галеном и Гиппократом, выдающийся естествоиспытатель уровня Галилея, математик, физик, химик, специалист по физиологии животных. А еще он занимался теорией музыки и его познания в этой области пригодились в эпоху Ренессанса. Трудно перечислить все таланты этого человека. Подчас природа являет свои чудеса, чтобы не забывали о ее могуществе, и тогда рождаются Авиценны.



## Авиценна. Фото репродукции

Микеланджело считал, что «лучше ошибиться, поддерживая Галена и Авиценну, чем быть правым, поддерживая других». Такая оценка, скорее морального свойства, из уст великого гуманиста многого стоит. Специалисты спорят о количестве трудов Авиценны, причем называются цифры и 90, и 456. Очевидно, ему приписываются подделки, подражания – талантам всегда подражают. Самая гениальная его книга – «Канон врачебной науки». Но и другие труды вошли в историю, стали классическими – «Книга спасения», «Книга знания», «Книга указаний и примечаний», «Книга справедливого разбирательства»... Он был предвестником гуманизма, ибо его учение о человеке – это учение о единстве тела и души. И когда – в XI веке! Писал Авиценна в основном на арабском языке. Но это вовсе не означает, что он – часть арабской культуры. Наверное, с самого своего рождения он принадлежал всему миру, труды его становились достоянием всех цивилизаций.

И все-таки до сих пор спорят, чей он. Туркестан, на территории которого он родился, Узбекистан, Турция – все эти страны считают Авиценну своим достоянием. В Турции вышла не так давно монография «Ибн-Сина – великий турецкий ученый». Персы в ответ заявляют: «Он наш. Он у нас похоронен. Он был при дворах эмиров». Его присутствие ощущается и в европейской культуре – уже с XII века о нем шла

молва. Это был человек с всемирной известностью. И таким он остается сегодня. Когда в 1950-е годы отмечалось тысячелетие со дня его рождения, весь мир участвовал в праздновании. О нем написаны огромные тома, ученые до сих пор пользуются его мыслями, а обычные люди учатся у него мудрости.

Откуда мы знаем о человеке, который жил более тысячи лет назад? От него самого и его любимого ученика. И это, как кажется скептикам, дает почву для сомнений в его гениальности. Абсолютно беспочвенный скептицизм! Ибо молва, начиная с XI века бережно хранила память о его талантах, что и дало основание называть его гениальным ученым. Сохранился рассказ самого Авиценны о себе, о своем детстве. Остальное дописал Убайд аль-Джурджани, его любимый ученик, который провел с ним больше 20 лет жизни. Он сопровождал своего учителя, ведь Авиценна был бесконечным странником. Нигде не задерживаясь надолго, он шел по земле, стараясь как можно больше увидеть, узнать и понять. Гудящая, волнующая, одуряющая красками, запахами, звуками, безотчетно меняющая жизнь притягивала его, становясь не только мукой, радостью или печалью, но и предметом изучения. Он рассматривал ее словно под увеличительным стеклом и видел то, что не видели другие. Попробуем понять, почему в X веке могло появиться такое чудо, как Авиценна.

Напомним, что X век – это время крещения Руси, на

престоле Владимир Святославич, четвертый русский князь. А там, на Востоке, – Возрождение. Что возрождалось? Да примерно то же, что и в Европе во времена Каролингского Возрождения IX–X веков. Тогда при дворе Карла Великого, при дворе германских императоров Оттонов впервые после войн и хаоса Великого переселения народов интеллектуальная элита обратилась к истокам своей культуры, к античности, к рукописям – греческим, римским.

И примерно то же самое было на Востоке. В том культурном контексте, который породил Авиценну, сплелись местные традиции с наследием античным, образуя особый эллинистический вариант синтетической культуры. Авиценна родился близ Бухары. Известно, что по этим местам, чуть севернее, прошел великий Александр Македонский. Именно в Согдиане он устроил знаменитые 10 тысяч браков своих полководцев и воинов с местными восточными женщинами. Интересно, что только Селевк, один из сподвижников Македонского, сохранил свой брак и именно ему досталась самая большая часть державы. Вот эта держава Селевкидов и стала в IV веке до н. э. носительницей эллинистической культуры, впитав античность. С 64 года н. э. эти края стали римской провинцией. А Рим, как известно, – прямой наследник античной греческой или эллинистической культуры. С III века начала формироваться Восточная Римская империя – Византия, которая находилась в тесном торговом и культурном взаимодействии с Востоком. Так сплетались разные культур-

ные корни, но получалось, что все они испытали влияние античности. В результате именно здесь и оказались истоки будущего восточного Возрождения.

Поход арабских завоевателей был коротким, арабов быстро прогнали. Завоевание началось в VIII веке и в том же столетии в основном и закончилось. Но язык, как это бывает в культурных процессах, остался и стал универсальным языком. Когда арабское завоевание удалось одолеть, отстояв свою культуру, тогда и начинается Возрождение.

Авиценна был не один. Персидский Восток – родина Фирдоуси, Омара Хайяма, Рудаки. На самом деле в поэзии, литературе, архитектуре и медицине людей выдающихся, знаменитых было много. Возрождались традиции древней восточной медицины, в каждом городе открывались больницы – своеобразные лечебные и исследовательские центры, где не только врачевали, но и занимались научными изысканиями, опытами, исследованиями. Возникают библиотеки – хранилища рукописей. Интеллектуальная жизнь становится напряженной и могучей. Наступает та пассионарность духа, о которой говорил Лев Гумилев, и благодаря которой становится возможным прорыв в будущее.

Авиценна (его полное имя – Абу Али аль-Хусейн ибн-Абдаллах ибн-Сина) родился в богатой семье. Отец, Адаллах ибн-Хасан, был сборщиком податей. Не самая уважаемая профессия, можно сказать, мытарь. Но при этом богат, образован, видимо, неглуп. Известно, что умер отец Авиценны

собственной смертью, никто его не убил, не зарезал за злодеяния. Мать Ситара (что означает «звезда») происходила из маленького селения близ Бухары Афшана. В этом селении и появляется на свет Авиценна. Так звезда родила звезду.

Его родным языком был фарси-дари – язык местного населения Средней Азии. На фарси он писал четверостишья – газели, как их называли на Востоке, – по его выражению, для «отдохновения души».

Городок, в котором он родился, был оживленным, с большим шумным базаром, куда стекалась уйма народа. Здесь были больницы и школа, в которой мальчик начал учиться, очевидно лет с пяти, потому что к его десяти годам выяснилось, что в школе ему уже делать нечего. Там изучали языки – фарси и арабский, грамматику, стилистику, поэтику, Коран, который Авиценна к 10 годам знал наизусть. Это был так называемый гуманитарный класс. Мальчик еще не приступил к изучению ни математики, ни тем более медицины. Со временем он скажет: «Медицина – очень нетрудная наука, и к шестнадцати годам я ее освоил полностью».

Конечно, в его словах можно усомниться – мало ли что может сказать про себя человек? Но семнадцатилетнего Авиценну ко двору призывает сам эмир, прося исцелить от серьезного заболевания. И Авиценна ему действительно помог. Необычный был мальчик.



Авиценна. Экспонат музея Авиценны в Бухаре. Фото ре-  
продукции

В доме его отца собирались ученые люди, исмаилиты – представители одного из течений в исламе. Их рассуждения были очень похожи на ересь, со временем их и признали еретиками. Они хотели очистить Коран от невежественных наслоений, призвав на помощь философию. Опасное занятие. Маленький Авиценна присутствовал при этих беседах, но повзрослев, не принял исмаилитский образ мышления. А вот его брат увлекся этими взглядами. Авиценна же официально остался в рамках ортодоксального ислама, хотя ортодоксом никогда не был.

Итак, к десяти годам в школе ему делать было особенно нечего. И вот – счастливый случай! Отец узнает, что в Бухару приезжает известный ученый того времени Патолли, тут же едет к нему и уговаривает поселиться в его доме. Он обещает кормить его, хорошо содержать и вдобавок платить ему жалование с условием, что ученый станет заниматься с мальчиком. Патолли согласился, и занятия начались. Очень точно сказал о годах своей учебы сам Авиценна: «Я был лучшим из задающих вопросы». И опять ему можно поверить, занятия с Патолли это подтверждают. Довольно скоро ученик стал задавать седобородому учителю такие вопросы, на которые тот ответить не мог. А вскоре Патолли сам стал обращаться к Авиценне, к маленькому Хусейну, за разъяснениями самых трудных мест из Евклида и Птолемея, и они уже вместе искали ответы.

В 15–16 лет юноша стал учиться сам. Его озадачила кни-

га Аристотеля «Метафизика», которая там, в далекой Средней Азии, была переведена на несколько языков и неоднократно прокомментирована. Авиценна рассказывает, что он не мог постичь эту книгу, хотя, читая много раз, почти выучил ее наизусть. Судя по его рассказам, а потом по воспоминаниям его учеников, чтение и письмо были главными занятиями его жизни, и он наслаждался ими, являя собой тип высочайшего интеллектуала, которых время от времени порождает человечество. Об аристотелевском сочинении юноша узнал совершенно случайно. Однажды на базаре, рассказывает сам Авиценна, когда он бережно перебирал свитки, книги, рукописи, книготорговец вдруг сказал ему: «Возьми вот это замечательное произведение, комментарии к «Метафизике» Аристотеля некоего Фараби, восточного мыслителя, философа. Увидишь, какое это сокровище». Мальчик схватил эту книжку, это было то, что он подсознательно хотел найти. Авиценна был поражен, ему открылось то, над чем он сам тщетно бился. Тогда-то он и назвал Аристотеля своим учителем, проникся его представлениями о мире, мыслью о единстве и целостности бытия, сознания и духа, воспринял аристотелевские идеи о форме нашей земли, ее устройстве.

И шестнадцатилетний юноша начал заниматься... медициной. Разумеется, напрямую «Метафизика» Аристотеля к этому не толкала, а косвенно – да. Возможно, мысль Аристотеля о единстве материального, телесного и духовного ока-

залась для Авиценны определяющей, настолько важной, что привела его к делу всей жизни.

Когда Авиценна излечил эмира Бухары, тот разрешил ему пользоваться своей библиотекой. Надо сказать, что Авиценна лечил бесплатно, и награды более ценной для него не существовало. Книги, рукописи и свитки хранились в сундуках, в каждом – по какому-нибудь одному предмету или науке. И сундуки эти занимали много комнат. В городе говорили, что он просто с ума сошел от счастья. В своих воспоминаниях Авиценна написал, что «видел такие книги, которые потом не видел никто». Почему? Скоро библиотека сгорела. И злые языки распускали слухи, что это он, Авиценна, сжег библиотеку, чтоб никто больше не прочел эти книги и не смог сравниться с ним в мудрости. Трудно придумать большей глупости! Книги были для него святыней. Как мог он сжечь их!

С 18 лет Авиценна совершенно осознанно посвящает свою жизнь занятиям наукой. Он много пишет, и слава о нем крепнет. В 20 лет его приглашают на постоянную службу к хорезмшаху Мамуну II в Хорезм. Мамун II был одним из лучших представителей сильных мира сего и, безусловно, лучший из тех, кого на своем пути встречал Авиценна. Этого правителя можно сравнить, пожалуй, с Лоренцо Великолепным. Он также собирал при дворе выдающихся людей, приглашал их отовсюду и не скупился в деньгах, считая развитие культуры и науки делом первостепенным. Он, так же как

Лоренцо, создал кружок, который назвали Академией Ма-муна. Там шли постоянные диспуты, в которых принимали участие многие, в том числе и Бируни, но побеждал почти всегда Авиценна. Слава его росла, он много работал, его почитали, признавая во всем его авторитет. Он был счастлив.

И вот тут на горизонте его жизни появляется роковая фигура – султан Махмуд Газневи, создатель Газневийского султаната. По происхождению он был из числа гулямов, так назывались рабы-воины тюркского происхождения. Вот уж поистине из рабской грязи – в большие князи! Такие люди отличаются особенной спесью, обостренным честолюбием, своеволием, распущенностью. Прослышав, что в Бухаре собран цвет культуры, Махмуд пожелал, чтобы весь этот ученый круг был отдан ему. Правитель Хорезма получил приказ: «немедленно всех ученых ко мне» – туда, в Персию, в нынешний Иран – послушаться было невозможно. И тогда правитель Хорезма сказал поэтам и ученым: «Уходите, бегите с караваном, ничем больше я не смогу вам помочь...» Авиценна со своим другом тайком ночью бежали из Хорезма, решив перейти через Каракумскую пустыню. Какое мужество, какое отчаяние! Ради чего? Чтобы не пойти в услужение к Махмуду, чтобы не унизиться и показать: ученые не прыгают по команде, как дрессированные обезьянки.

В пустыне его друг умер от жажды – не перенес перехода. Авиценна выжил. Теперь он снова оказался в западном Иране. Некий эмир Кабус, сам блестящий поэт, собравший

вокруг себя великолепное литературное созвездие, радостно принял Авиценну. Как похожи между собой деятели Возрождения, будь то в Италии или на Востоке! Для них главное – жизнь духа, творчество, поиски истины. На новом месте Авиценна начал писать свой величайший труд «Канон врачебной науки». Жил он в купленном для него доме – казалось бы, вот оно, счастье! Но жажда к перемене мест, страсть к путешествиям, к новизне гнала его всю жизнь с мест насиженных и спокойных. Вечный странник! Он опять уходит, снова странствует по землям нынешнего, центрального Ирана. Почему не остался у Кабуса? Среди своего круга людей, в собственном доме, не зная нужды и гонений? Мне не удалось понять его.

Около 1023 года он останавливается в Хамадане, что в центральном Иране. Излечив очередного эмира от желудочного заболевания, он получает неплохой «гонорар» – его назначают визиром, министром-советником. Кажется, о чем еще можно мечтать! Но ничего хорошего из этого не вышло. Дело в том, что к службе он отнесся честно, тщательно вникал в детали и, как человек чрезвычайно умный и образованный, стал делать реальные предложения по части преобразования системы правления и даже войска – вот что удивительно! Но предложения Авиценны оказались совершенно не нужны окружению эмира. Там были свои министры обороны! Среди придворных плетутся интриги. Вспыхивает зависть и злоба – ведь врач всегда так близок к правителю!

Дело начинало принимать плохой оборот, стало ясно, что он в опасности. Некоторое время он скрывался у друзей, но ареста ему избежать не удалось. А тут сменился правитель, и сын нового правителя захотел иметь Авиценну около себя – слава его была слишком велика, а практические медицинские умения хорошо известны. Он провел в тюрьме четыре месяца. Заточение его не было безнадежно тяжким, ему разрешали писать. Выйдя на свободу, он вместе с братом и своим преданным учеником вновь отправляется в путь. И оказывается в глубинах Персии, Исфахане.

Исфахан – крупнейший город своего времени с населением около 100 тысяч человек, шумный, красивый и яркий. Авиценна провел там немало лет, став приближенным эмира Алла Аддаула. Снова его окружает культурная среда, снова проводятся диспуты, снова течет относительно спокойная жизнь. Здесь он очень много работает, много пишет, по объему больше всего написано именно в Исфахане. Ученики говорят, что он мог работать ночь напролет, время от времени освежая себя бокалом вина. Мусульманин, который взбадривает свой мозг бокалом вина...

Авиценна спешил. Как врач и мудрец он знал, что ему немного осталось жить и потому торопился. То, что он постигал тогда, в те давние времена, кажется невероятным. Например, писал о роли сетчатки глаза в зрительном процессе, о функциях головного мозга как центра, куда сходятся нервные нити, о влиянии географических и метеорологических

ских условий на здоровье человека. Авиценна был уверен, что существуют невидимые переносчики болезней. Но каким зрением он их увидел? Каким? Он говорил о возможности распространения заразных болезней через воздух, сделал описание диабета, впервые отличил оспу от кори. Даже простое перечисление сделанного им вызывает изумление. При этом Авиценна сочинял стихи, написал несколько философских произведений, где ставил проблему соотношения материального и телесного. В поэзии Авиценны очень емко выражено его стремление видеть мир единым, целостным. Вот его четверостишие в переводе с фарси: «Земля есть тело мироздания, душа которого – Господь. И люди с ангелами вместе даруют чувственную плоть. Под стать кирпичикам частицы, мир из которых создан сплошь. Единство, в этом совершенство. Все остальное в мире – ложь». Какие удивительные, глубокие и серьезные мысли! И какие грешные. Бога он понимал по-своему. Бог – творец, Он этот мир сотворил. И на этом, как полагал Авиценна, Его миссия закончилась. Думать, что Господь повседневно следит за мелочной суетой людей, участвует в их жизни, – это варварство. В этом были убеждены древние греки. Но Авиценна высказывает и еще более еретическую мысль: творение Бога было предназначено некой сверхбожественной силой. Что это за сила? Что имел в виду Авиценна? Возможно, уже тогда он думал о космосе? Таким людям, как он, подобные глубокие мысли были свойственны.

После того как Авиценне удалось бежать через пустыню, он долго скрывался от султана Махмуда. Правитель активно разыскивал беглеца и даже разослал в 40 экземплярах что-то вроде листовки или предписания с рисунком, изображающим Авиценну. А судя по тому, что удалось реконструировать по его черепу, он был красавец, без каких-либо особо ярко выраженных восточных, азиатских или европейских черт. Махмуду так и не удалось вернуть Авиценну.

Преемник султана Махмуда Масуд Газневи в 1030 году послал свое войско к Исфахану, где находился Авиценна, и учинил там полный погром. Авиценна пережил настоящую трагедию: был уничтожен его дом, пропали многие его труды. В частности, навсегда исчез труд в 20 частях «Книга справедливости». Это была одна из последних его книг. Может быть, как раз в ней содержались его итоговые, самые глубокие мысли. Но мы о них, видимо, никогда не узнаем. Не станут нам известны и обстоятельства его личной жизни – об этом нет упоминаний в воспоминаниях учеников или просто современников. Он писал о женщинах стихи, воспевающие красоту, гармонию и совершенство. И это – все.

Умер Авиценна в военном походе, сопровождая эмира и благодетеля своего Алла Аддаула. Как врач, он знал, что его организм исчерпал себя, хотя ему было всего 57 лет. Раньше он неоднократно лечил себя и излечивал. На этот раз Авиценна знал, что умирает, и потому сказал ученикам: «Лечить бесполезно». Похоронен он в Хамадане, там сохрани-

лась его гробница. В 1950-е годы ее заново отстроили. Вот слова Авиценны перед смертью, переданные нам, потомкам, его учениками: «Мы умираем в полном сознании и с собой уносим лишь одно: сознание того, что мы ничего не узнали». И это сказал человек, с восторгом посвятивший познанию всю свою жизнь, энергию, молодость и здоровье.

# Алиенора Аквитанская

## *Бабушка средневековой Европы*

Почему «бабушка»? Конечно, это метафора, и все-таки большая доля правды в ней есть. Потому что ее внуки, а затем и правнуки правили во многих государствах Западной Европы. В Англии, во Франции, на Сицилии (Сицилийское королевство), в Германии, в Кастилии – всюду были ее потомки. Эта женщина уникальна во многих отношениях и в этом, плодovitости, – тоже. Она родила десятерых детей от двух королей – французского Людовика VII и английского Генриха II Плантагенета. Капетинги и Плантагенеты – а между ними Алиенора Аквитанская, дочь герцога Аквитании Гийома.

Аквитанский дом считался, и совершенно справедливо, пристанищем поэтов, трубадуров. Ее дед – поэт, отец – тоже поэт. Это особый край, Юго-Запад Франции, насыщенный солнцем, красками, яркой мощной растительностью, прекрасными виноградниками и, конечно, вином. Здесь всего в избытке, и радость бытия бьет через край. Герцогство Аквитанское огромное, самое большое во Франции в те времена и, очевидно, самое богатое. И вот в 1152 году, после смерти герцога Аквитанского, оно становится приданым Алиеноры, пятнадцатилетней девочки, скажем от себя – роскош-

ным приданым. Алиенора – завидная невеста, от претендентов нет отбоя, короли, герцоги выстраиваются в ряд. Еще и потому, что она была официально признана первой красавицей Европы. Европа внимательно следила за ней и ее потенциальными женихами.

Почему ее звали так необычно – Алиенора? Дело в том, что, когда она родилась, в семье уже была Элеонора. Поэтому ее называли «Другая Элеонора», от слова *alienus* – «другой, иной».

Итак, на редкость завидная невеста, красавица ждет жениха. И наконец его имя называют – это Людовик VII, король французский из династии Капетингов. Европа недоумевает. Капетинги откровенно бедны в то время, их земли – Ильде-Франс – крошечное блюдечко между Парижем и Орлеаном. Когда французская знать выбирала первого Капетинга, учитывались многие факторы, в частности стремились, чтобы он не был сильнее других. Что-то подобное происходило и в России, когда выбирали Романовых. Начиная с 987 года Капетинги стали управлять Францией, хотя и не имели особенно сильной власти.



Неизвестный художник. Алиенора Аквитанская. XIX в.  
Фото репродукции

Постепенно ранние Капетинги шаг за шагом наращивали свое влияние. Особенно заметно это стало при Людовике VI, прозванном Толстым. Его умный и образованный советник аббат Сугерий сумел всеми доступными ему средствами добиться брака сына короля, тоже Людовика, и блестящей «аквитанской невесты». Прямо во время свадебного пира, который проходил в Бордо, пришло известие о смерти Людовика VI. Получилось, что Алиенора вышла замуж не за принца, а за молодого короля – Людовика VII. И вот к такой крошке, Иль-де-Франсу, присоединилась огромная и прекрасная Аквитания.

Прошло тринадцать лет брака, она родила детей, но это были три девочки и ни одного мальчика. И король потребовал развода, официально объяснив свое требование неспособностью жены родить мальчика, наследника. Событие невероятное само по себе в Средневековье, а для королевской семьи – еще невероятней. Католическая церковь не допускала разводов. Но Людовик все-таки добился своего. В чем дело? Почему? Как можно было добровольно отказаться от жены-красавицы, от ее приданого – Аквитании? Ходила молва, что все дело в ревности, ревновал он ее столь сильно, что жизнь стала ему не мила, и потому все здравые доводы перестали действовать. И он добился разрешения па-

пы уже под другим предлогом – якобы внезапно было обнаружено слишком близкое между их домами родство. Чепуха абсолютная! Во-первых, где же он был все эти тринадцать лет?! А во-вторых, все королевские дома Европы в какой-то мере были родственны между собой. Но... с папой удалось договориться. И развод состоялся. Потеряна Аквитания. По феодальным законам того времени, родовые владения нельзя было отторгать, что свято соблюдалось. Только сыновья могли претендовать на ее земли. Сыновей не было. И она вместе со своей Аквитанией снова становится завиднейшей невестой Европы.

Напомню – ей двадцать восемь лет, и у нее одна забота – спрятаться, как бы ее кто не похитил, не выдал бы замуж насильственно. Она устала от семейной жизни, от постоянных беременностей, от этикета, от несвободы – у нее другой нрав, она Алиенора Аквитанская, этим многое сказано. И вдруг – граф Анжуйский Генрих, моложе ее на одиннадцать лет. Если в наши времена такая разница в возрасте супругов не слишком поощряется, то тогда это было неслыханно, греховно. Он же почти мальчик, какой он муж! Но вот тут настояла Алиенора, а в ней говорила любовь, возможно впервые испытанная, которая не знала преград. В 1152 году, очень скоро после развода с Людовиком VII, был заключен новый брак с Генрихом Анжуйским, союз, связанный страстным чувством.

Очень скоро оказалось, что он – антипод ее первого мужа.

Тот был немного фанатичным в вере, много молился. Даже Крестовый поход для него – прежде всего не война, а паломничество в Святые земли... Как-то у Алиеноры вырвались слова о том, что Людовик VII – скорее монах, чем король. А страстная аквитанка искала в мужчине чего-то другого. И это другое она находит в графе Анжуйском. Через два года, в 1154 году, он становится английским королем Генрихом II, а это значит, что Алиенора снова королева, теперь королева Англии.

Генрих Анжуйский не был сыном короля. Его мать – Матильда, наследница английского престола из первой норманнской династии, заключила договор со своим соперником, Стефаном Блуаским. Согласно этому договору, она отказывалась от притязаний на престол в пользу своего сына, Генриха Анжуйского. Эту перспективу, возможно, Алиенора принимала во внимание. Герцогская корона ей дана была от рождения, французскую она носила целых тринадцать лет, а теперь второй брак сулил ей корону английскую. И все-таки есть много оснований предполагать, что между Алиенорой и Генрихом Анжуйским, который в Англии стал править как основатель династии Плантагенетов, была страстная любовь. И главное доказательство этому – бешеная ненависть, которая пришла ей на смену.

Поначалу они неразлучны. Она участвует в государственных делах, подписывает документы, что было, кстати, не принято, они вместе принимают послов, гуляют по паркам,

скачут на лошадях, всюду звучит их смех – супруги близки как никогда и счастливы. Одна беременность следует за другой, Алиенора рождает мальчиков! Европа в изумлении застывает, а потом, вероятно, раздражается смехом – совсем недавно первый ее муж официально заявлял, что она неспособна родить наследника. И вот – пожалуйста, пять мальчиков подряд, один, правда, умирает в младенчестве. Она полностью реабилитирована. Но Генрих Анжуйский, совсем недавно такой любящий, начинает изменять Алиеноре и решает заточить надоевшую жену в отдаленном замке. Она провела в этом относительно почетном заключении целых шестнадцать лет.



Людовик VII и Алиенора молят Господа о даровании сына. Средневековая миниатюра. Фото репродукции

Считается, что причиной была ее ревность к любовнице короля Розамунде. Очевидно, как когда-то ее первому мужу, это чувство не давало Алиеноре жить, стала тем кошмаром, от которого она не могла избавиться. Наверное, и Генриху приходилось нелегко, потому-то он и заточил ее в замке. Конечно, не в цепях она была и не в подвале – у нее был даже свой маленький двор, своя свита, но ее лишили того, без че-

го ей было невозможно жить – свободы. И еще одна непере-носимая для этой женщины потеря – отсутствие общества. А потребность быть на людях, участвовать в разговорах, красоваться, обольщать – все это было свойственно Алиеноре Аквитанской в высшей степени. Потребность эту она сохранила всю свою долгую жизнь. А прожила наша героиня восемьдесят два года. Уникальный случай! Она не превратилась в дряхлую старуху, а была активна, деятельна, рассудительна до самого последнего вздоха. Когда ей было почти 80, она совершила путешествие за Пиренейские горы к своей внучке Бланке Кастильской. Бабушка забрала ее с собой во Францию и просватала за французского принца, будущего Людовика VIII. Брак состоялся, и Бланка Кастильская родила французам, наверное, самого замечательного средневекового правителя, Людовика IX, имевшего прозвище Святой (а такие прозвища случайно не даются).

Продолжу рассказ об уникальности Алиеноры. Родить десятерых детей – нечастое явление в королевских семьях. В восемьдесят лет путешествовать за Пиренеи отправится далеко не каждый – это совершенно очевидно. Носить три короны на одном веку – кто еще может этим похвастать? Алиенора прожила несколько жизней, как минимум три – одну во Франции, другую в Англии, третью в изгнании. Она была свидетельницей самого расцвета рыцарского века. И, думаю, именно Алиенора и ее любимый сын, Ричард I Львиное Сердце, стали символом женского и мужского начал в

рыцарстве.

Ричарда Алиенора вырастила в Аквитании, обожала его с самого рождения, и он в юности очень ее любил. Трубадуры в честь своей правительницы слагали стихи и пели песни. Она прекрасно владела несколькими языками, знала риторику. Когда ей надо было бороться за освобождение своего сына из плена, она писала папе римскому: «В то время как мой сын, подобно Ахиллу, сражался под стенами Аккры, коварный Филипп Французский покинул его как предатель...» Так все и было, один сражался, другой покинул, но – какой стиль! Античный. На память приходит Гомер.

Ее молодость – зенит западноевропейского Средневековья. Рождается рыцарская литература, появляется роман о Тристане и Изольде, творит Кретьен де Труа. Но, как известно, после зенита движение возможно только вниз. Закат рыцарского века уже недалек. И жизнь, личная жизнь Алиеноры, ее судьба, как раз пришлись на этот взлет и падение, стали олицетворением их. Уже Филипп II Август во Франции осмелился попирать рыцарские идеалы, когда они помешали реальной политике. И Иоанн Безземельный, младший сын Алиеноры Аквитанской, пытается делать то же самое, хотя мало что умеет, демонстрируя вырождение рыцарства внутри семьи. Вообще, Иоанн – фигура для нее трагичная. Он родился неожиданным, последним, и был он не таким статным, красивым, как его братья. Ричард Львиное Сердце с могучей гривой огненно-золотых волос, красив как бог, в бою – как

лев отважен и силен, первым бросался на врагов, был страшен в индивидуальном бою, не ведал страха. И вместе с тем – маменькин сыночек. Она повезла Ричарда в Аквитанию, подальше от английского двора и там, среди стихов и песен трубадуров, ласкала, растила его. И он усвоил с младенчества поэзию и рыцарское поведение, став рыцарем не только внешне, но и по убеждению.

Интересно, что жизнь Алиеноры Аквитанской – истинный роман, увлекательный, полнокровный, яркий – в литературе, в искусстве примитивно и грубо упрощается. Мне всегда казалось это странным. Чего стоит только одно ее участие во Втором крестовом походе! Она проскакала большую часть пути верхом, какую-то часть ехала на повозках, но ведь от Парижа до Иерусалима около шести тысяч километров! Невероятная женщина! Во время Третьего крестового похода, одним из вождей которого был Ричард Львиное Сердце, она женила своего львиного рыцаря на Беренгарию Наваррской, снова не побоявшись отправиться в неблизкий путь за невестой. А дальше – многолетнее заточение. Как только умер Генрих II, взошедший на престол Ричард I ее освободил. Она вернулась несколько не усталой, не сломленной и сразу окунулась в жизнь активную – политическую и личную.

Позже, в кино, литературе, театре ее представляют совсем не такой. Вот пьеса Джеймса Голдмена «Лев зимой». Генрих Плантагенет показан на склоне лет, ему около пятидеся-

ти – для Средневековья старик. Ей шестьдесят три. Но она – молодая женщина и выглядит лучше его и чувствует себя бодрее, чем его очень огорчает. У нее, видимо, было железное здоровье – это отмечали очевидцы ее участия в Крестовом походе. Но в пьесе показана лишь одна грань ее характера, поведения и всего два дня жизни – Рождество 1183 года. Голдмен, который очень старается следовать исторической правде, смотрит на нее глазами главного персонажа – Генриха. Не того молодого, который страстно любил ее, а престарелого, измученного жизнью, уже пережившего свое чувство и ненавидящего супругу. В жизни она оказалась сильнее его. Оптимистичнее, смелее и значительнее. Это простить мужчину вряд ли может. Генрих ненавидит ее открыто, зло называя Медузой Горгоной. К ней плохо относятся и сыновья, которые ссорятся из-за престола, не зная, кому из них она станет помогать. Но это – совсем маленький кусочек жизни, взятой вне всего жизненного контекста. А такой взгляд – всегда нарушение правды. Нет ни трубадуров, ни Крестового похода. И в этой стареющей и не желающей стареть женщине совершенно не проглядывает та, молодая Алиенора. В жизни – все не так. Лучшая книга о ней написана француженкой Режи́н Перну, но это не вполне художественное произведение. Книга вышла на русском языке в 2001 году, и я очень советую ее прочесть.

Кроме официальной литературы и науки, которые ею занимаются, есть еще и молва об Алиеноре Аквитанской. Эти

народные толкования иногда даже более интересны, ведь «нет дыма без огня». Мифы и легенды о ней начали слагать еще при ее жизни. Все они ее осуждают и в целом рисуют образ негативный. Во время Крестового похода она, мол, время от времени скакала впереди крестоносного войска, окруженная своими фрейлинами, в костюме амазонки. А это значит, что одна грудь должна была быть обнаженной. Для Средневековья это безнравственно. И мало того – сидела на лошади не боком, как подобает женщине, а верхом, и не в дамском седле... Нехорошо, некрасиво. Рассказывали, что у нее было несколько романов. Например, с бароном Жоффруа де Ранконом – знатным, видным, красивым, но оснований для того, чтобы поверить этому – а Режин Перну очень тщательно изучала множество самых разных материалов – нет. Молва, и все. А уж коннетабль Аквитании Сель де Брейль – это вообще вряд ли. Перну совершенно справедливо пишет, что он ниже ее рангом, для нее это было важно, она же носительница трех корон!

Наиболее подходящей по статусу фигурой мог быть ее молодой дядя Раймунд де Пуатье. Он красив и отважен, а это нравится женщинам. Встретившись во время Крестового похода, они много времени провели вместе. Но это могло значить совсем не то, что приписывала молва. Дело в том, что в детстве дядя часто бывал в их доме, она прыгала у него на коленях, а он играл с ней, маленьким ребенком. С тех пор они долго не виделись. Встреча с человеком, которого пом-

нишь с детства, вызывает особые, очень теплые, почти родственные чувства. И доказать, что тут непременно разврат, – невозможно, да и нет таких доказательств.

Само ее появление в Париже, возможно, возмутило парижан – она уже пришла с некой молвой. На роскошном бракосочетании в Бордо они увидели очаровательную пятнадцатилетнюю девочку в пурпурном платье, красивую, яркую, совсем не забытую, не смирную и не стеснительную. Они-то представляли ее бледной, печальной, со слезами на глазах из-за разлуки с родиной... Ничего подобного! Она приезжает из мира солнца, вина, куртуазии, где, кажется, нет места унынию и печали, в Париж, который по сравнению с ее родиной – край северный, строгий, холодный. Юг и север Франции – Лангедок и Лангедойль – очень отличались друг от друга по культуре вплоть до XIII века. По существу это были две цивилизации. Юг испытал гораздо большее влияние римлян, чем север. И кроме того Париж вовсе не был затронут арабским влиянием. Северу был чужд Восток с его поэзией, гортанными языками, с его музыкой, тяготением к роскоши, шелкам, мехам, духам... И вот юная особа, выросшая в этой атмосфере, приезжает в Париж. Молва вполне естественно не одобряет ее, Алиенора со своими куртуазными привычками должна была показаться в Париже развратницей. Такой и показалась.

А потом – еще дальше на север, в Лондон, куда она прибывает королевой английской. Здесь традиция еще более стро-

гая, чем в Париже, в ней сплелось англосаксонское наследие с норманнским, а Нормандия и ее жители – все-таки потомки суровых и бесстрашных викингов. Она прибывает в другой, суровый мир, довольно мрачный и холодный, а главное – совсем непохожий на ее родину.

Уместно будет вспомнить, что Аквитания, эта прекрасная земля, долго была независимой. Ее жители мужественно и самоотверженно боролись, стараясь сохранить свои самостоятельность и самобытность. Лишь в результате Альбигойских войн XIII века Север, наконец, расправится с этой цивилизацией. Алиенора, ушедшая из жизни в самом начале XIII столетия, оставалась аквитанкой – она впитала все соки этого края и никогда в своей жизни не изменяла особенностям, там приобретенным.

И вот народная молва творит образ Алиеноры. Какой? Она меняет любовников, отравила Розамунду, возлюбленную своего мужа Генриха Английского... Отравила ли? Никаких доказательств нет, но слухи упорно ходят. А как же?! Розамунда своя, из Уэльса. А эта – чужая, иноземка, разведенная жена французского короля. Молва враждебна к ней изначально. За то, что она из южной Франции, за то, что манеры не те, за то, что во время Крестового похода скакала не так, как положено, за то, что в походе у нее было очень много повозок с плащами, меховыми воротниками, платьями, и она их меняла, несмотря на усталость и невероятные трудности... Но она Алиенора Аквитанская, и у нее свой собствен-

ный стиль. Ну, как могла она в Константинополе не появиться в роскошном наряде? Ведь это византийский двор, император принимает их торжественно и пышно. Она, воспитанная в Аквитании, считает, что надо пышностью ответить и посостязаться с ней. А традиция севера Франции и Англии – другая, здесь царит дух умеренности и непритязательности. Здесь мужчины одеты в кольчуги, в дорожные грубые плащи, они неделями не слезают с седла, рубятся тяжелыми грубыми мечами, а на их лицах – выражение суровое и непреклонное. А она не похожа на людей севера ни внешностью своей, ни выражением лица, ни улыбкой. Остается только изумляться, как можно было в совершенно ином, чуждом мире оставаться самой собой! И в этом ее уникальность.

И тут, надо признать, – аквитанская закваска оказалась очень мощной. Не зря именно в этом крае куртуазии и рыцарства была сложена знаменитая «Песнь о Роланде», великий рыцарский эпос. Не зря именно там прижилась «альбигойская ересь». Этот край тяготел к большему вольнолюбию, открытости, взаимодействию культур. Именно туда с востока через Пиренейский полуостров прибывают знаменитые врачи, например Авиценна. Там роза ветров европейских культур.

И снова вернусь к Алиеноре. Конечно, это личность неоднозначная. Сильный характер, воля, одаренность природы делали ее человеком не простым, экстраординарным. И потому отношения ее даже с самыми близкими людьми склады-

вались трудно. Когда сыновья были детьми, она их любила, одного больше, другого меньше. Когда они выросли, все изменилось. Оказалось, что перед ней – люди с характером, не желающие становиться пешками в чужой игре. Все, включая бездарного Иоанна, были способны действовать самостоятельно. Сыновья дрались за власть. А уж если кто их и стравливал, так точно не Алиенора, а французский король Филипп II по прозвищу Август, сын от третьего брака того самого Людовика VII, который много лет назад развелся с Алиенорой.

Он мог бы быть сыном Алиеноры! Удивительный французский король, прозвище Август тоже случайно не получают. Начав править в 1180 году, он получил очень урезанную за счет английских владений Францию, а завершил свое правление в 1223-м, имея территорию в два раза большую, отвоевав английские эти самые владения во Франции. Каким образом это удалось? Хитростью и подначиванием сыновей Генриха II и Алиеноры Аквитанской. Вот кто виртуозно владел придворными интригами, был редкостным лицемером и выдающимся для своего времени дипломатом! Он по очереди дружил с каждым сыном Алиеноры и предавал их в самую решающую минуту. Все Плантагенеты – старший сын Генрих, второй – Жоффруа, а также Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный – в какой-то момент своей жизни понимали, что обмануты Филиппом. Оказалось, дети Алиеноры люди довольно простодушные и доверчивые. Например, с

Ричардом Львиное Сердце, истово и искренне стремившимся на Восток, Филипп II играл роль верного крестоносца. И вдруг этот ближайший и любимый Ричардом человек тайком убегает из-под стен Аккры, оставляя его одного. Ужас! Я представляю себе лицо Ричарда – он понимает, что надо мчаться в Европу, потому что Филипп отнимет принадлежащие английской короне французские земли. А как убежать, тут войско?! Что скажут о нем, великом рыцаре, его воины!

Так же предательски поступил Филипп и с Иоанном Безземельным. Иоанн никому не верит, особенно матери, которая хочет открыть ему глаза на французского короля. Он уверен, что Филипп – его главный заступник. Дело кончается, как всегда, предательством. Филипп вызывает Иоанна Безземельного в суд по обвинению в убийстве своего племянника, Артура Бретонского. Обвинение состряпано по слухам, никаких доказательств нет. Хотя Шекспир полностью принимает эту версию, считая ее доказанным фактом. «Ты причастен к убийству, явись на суд» – вот требование, предъявленное Иоанну. Совершенно потрясенный, он отказывается явиться, и тогда Филипп II Август снимает маску окончательно. Он начинает военные действия и отвоевывает значительные земли у англичан. Известие о падении в 1204 году замка Шато Гайяр, столь любимого Алиенорой, стало для нее смертельным ударом. По ее просьбе Ричард Львиное Сердце был впоследствии похоронен рядом с ней.

# Ричард Львиное сердце

## *Незаслуженно возвеличенный*

Ричард Львиное Сердце – герой без страха и упрека! Рыцарь на белом коне... Кто же не зачитывался в юности романами «Айвенго» и «Талисман»? Кто не смотрел прекрасный фильм «Робин Гуд – король воров»? Ричард – невероятно популярный герой. Вот как пишет о нем Генрих Гейне:

В пустынной дубраве несется ездок,  
В роскошном лесистом ущелье  
Поет, и смеется, и трубит он в рог,  
В душе и во взоре веселье.  
Он в крепкую броню стальную одет,  
Знаком его меч сарацинам,  
То Ричард, Христовых то воинов цвет,  
И Сердцем зовут его Львиным...

Вот такой прекрасный образ! Такого Ричарда мы знаем, им восхищаемся и любим. Некоторые считают, что «Львиное Сердце» – это литературный эпитет, который появился много позже и после смерти Ричарда. На самом деле нет. Он получил его во время Третьего крестового похода (1189–1192). Это время – важнейшая веха в его жизни. В 1189 году Ричард коронован английским королем в Лондоне. Сра-

зу после коронации начинается поход, который оказался исключительно успешным – были захвачены Сицилия, Кипр, Аккра.

Скажу сразу – Ричард был необычайно храбр, складывалось впечатление, что страх вообще неведом ему. Необыкновенно сильный и развитый физически, он всегда оказывался в первых рядах, всегда рубился с преобладающим противником и всегда оказывался сильнее врагов. Известно, что однажды он поднял и бросил о землю недруга тоже не слабого десятка с оружием в руках и в латах весом сорок-пятьдесят килограммов. Да так, что тот едва остался жив. Это было абсолютно в духе Ричарда. Легенды еще более усиливали его мифологические черты, но они были у него и так – сила, храбрость, красота. Роскошная грива золотисто-рыжих волос придавала ему облик сказочного, былинного героя. Кстати, именно эти прекрасные волосы и невероятная отвага явились причиной появления эпитета «львиное сердце».

Он родился в 1157 году в Оксфорде, но вырос при дворе своей матери Алиеноры Аквитанской, в Аквитании на юго-западе Франции. Его отец очень скоро после женитьбы стал английским королем Генрихом II. Их брак поначалу был счастливым, супруги обожали друг друга, не разлучались даже тогда, когда того требовали дела государственной важности. Все сыновья, а их было пять, были рождены в любви и были желанными. Ричарда любили особенно сильно – он был

красив от рождения, а красота никого не оставляет равнодушным, тем более родителей. Родившись в Англии, он фактически всю жизнь прожил во Франции. Умер в 1199 году.

Ричард был третьим сыном Генриха II Плантагенета, поэтому у него практически не было шансов стать королем. Но первые два брата умерли неожиданно рано – и дорога к трону оказалась открыта. Сразу после коронации он отправляется в Крестовый поход. Его манила слава, личная слава, ради которой он готов был умереть. Он рисковал жизнью постоянно! Первым бросался в строй противника, и смерть отступала перед таким безрассудством. Это удивительно! Ведь он был человеком набожным, правда, в меру, без крайностей, но жизнь человеческую ценил крайне низко. Как это сочеталось? Вера в Бога и безрассудная смелость, при которой жизнь не стоила и копейки! Трудно сказать, трудно понять.



## Ричард Львиное Сердце. Фото репродукции

У него была мечта, которая сильно кружила ему голову. Слава освободителя земель на Востоке – вот что не давало ему покоя! В Первом крестовом походе (1096–1099) эти земли были завоеваны западноевропейскими рыцарями, а теперь отбиты султаном Саладином, блистательным полководцем Востока... Победить Саладина, отбить Храм Гроба Господня – значило прославиться дважды и навсегда остаться в мировой истории. Вот какова была цель жизни английского короля Ричарда I. И в достижении ее Англия, королем которой он только что стал, мало его интересовала. Ее казна – вот что было для него крайне важно и нужно, просто казна и ничего больше. Он ее и использовал. Но как? Попросту обобрал. А когда Ричард попал в плен и Алиенора стала собирать деньги на выкуп, казна оказалась практически пустой. Но что интересно? Несмотря ни на что, он был любим в Англии. Его не просто любили – им гордились. Факт поразительный, но объяснимый.

Во-первых, люди любят победителей во все времена. И, увы, наша эпоха не является исключением. Звонкая военная победа – вещь привлекательная. Хотя какой он победитель, Ричард Львиное Сердце? Боролся вместе с братьями против отца, дважды его предавал, вроде бы пытался отравить французского короля Филиппа II, в Крестовом походе не победил, попал в плен. Вот она – реальность. Но тут вер-

нее работает миф, легенда, чем правда. Правдой, если она неприятна, можно и пренебречь. А потом, это же век рыцарства. Для этой эпохи вполне понятен и по-своему прекрасен поступок английского короля в захваченной крестоносцами Аккре. Увидев в крепости, отнятой с большим трудом у турок, знамя герцога австрийского Леопольда, Ричард лично сорвал и растоптал его. При этом все знали, что войско Леопольда сыграло большую роль в захвате Аккры. Тем, кто видел, как Ричард расправился с герцогским знаменем, он заявил: «А ну, выйдите, кто посмеет мне возразить». Вот он какой победитель!

Ричард с детства впитал в себя атмосферу рыцарства. Его дед, отец матери Гийом Аквитанский, был знаменитым трувером – исполнителем собственных стихов. Считается, что именно с него начинается век миннезанга, время расцвета куртуазной культуры Юго-Запада Франции. Прадед тоже был трубадуром, и оба они пользовались любовью и известностью. Когда Ричард вырос, он поступил подобно матери – окружил себя плотной толпой трубадуров и поощрял тех, кто воспевал его. Например, Бертрана де Борна, великого певца рыцарства. Что же писал Бертран? «Как мне нравится звон мечей; как я обожаю, когда падают лошади, когда валяются раненые и убитые, и моря крови». Уж такой это был век. И поэтому Ричард Львиное Сердце считался победителем. Да и Ахилл-то, с которым его сравнивали, тоже хорош! Ведь не он же взял Трои, которую захватили лишь благодаря хитро-

мудрому Одиссею или Улиссу.



Памятник Ричарду Львиное Сердце у здания парламента в Лондоне. Установлен в 1860 г. Современный вид

Нужно сказать, что в жизни Ричарда был свой Улисс – Филипп II Август, французский король, хитрости которого хватило бы не на одну сотню правителей. Он не бился в открытых боях, но неизменно выигрывал в политических интригах. Филипп бросил Ричарда в Крестовом походе, а после смерти Ричарда у его брата Иоанна Безземельного отобрал почти все французские владения английского дома. И при этом и Ричард, и Иоанн считали Филиппа лучшим другом, не говоря о том, что все они были братьями.

Уже современники начали создавать миф о Ричарде. Вот знаменитая «Священная война», написанная Амбруазом. Автор – участник Крестового похода – имел возможность наблюдать за действиями короля ежедневно. Но если в хронике проскальзывает что-то не слишком благородное и героическое, то Амбруаз тут же старается оправдать Ричарда, объяснить, что, дескать, не виноват он, таковы обстоятельства. Между строчками «Священной войны» проступают и безмерная вспыльчивость, и несправедливость, и жестокость короля. Например, по его приказу под стенами Аккры были казнены две тысячи пленников. Но ведь это сарацины, безбожники! И значит, такой поступок не пятнает рыцаря. Амбруаз с гордостью восклицает: «Как овцы перед волком, разбегаются перед Ричардом его враги...» И далее отмечает, как

великодушен был король к своему младшему брату Иоанну. Уходя в Крестовый поход и надеясь, что брат будет вести себя прилично, Ричард осыпает его дарами щедрой рукой. Щедрость – тоже отличающее рыцаря качество... Вот такой он, прекрасный герой рыцарской эпохи.

Думаю, его знаменитый меч рассекает время надвое, и расцвет рыцарства позади. Впереди – другое время. Ричард I, этот «поющий король», как назвали его в современном романе, этот трубадур с мечом в руках и бесстрашным сердцем, – именно он знаменует начало новой эпохи.

Интересно, как складывается его образ. С одной стороны – грубиян с тяжеленными кулаками, тысячами уничтожающий врагов и не знающий к ним пощады. С другой – сладкозвучный трубадур, воспевающий доблесть, честь, щедрость и женскую красоту. Ричард совмещает в себе, кажется, несовместимые черты. Так в народном сознании складывается полновесный, яркий и вполне живой образ рыцаря.

Наделяется ли эта личность идеальными чертами? Полагаю, да. Но идеализировали его именно потому, что он был очень похож на героя. Ричард Львиное Сердце нравился своей эпохе. В нем восхищало все – внешность, происхождение, поступки. Вот она почва для рождения героя, рыцаря, легенды! И в результате именно о нем слагались лучшие народные баллады, в результате именно он стал символом отваги и благородства.

Упомянем еще о некоторых обстоятельствах, неизменно

вызывающих к нему симпатию и сочувствие. По законам той эпохи было несколько причин считать Ричарда несправедливо и очень серьезно обиженным, пострадавшим. Основная причина – предательство Филиппа II. Это он во время Крестового похода коварно бросил Ричарда под стенами Аккры и без предупреждения отплыл во Францию. Фактически предал. Предательство не прощалось ни в какие времена. И пострадавший от него – уже герой. Но война продолжается. Ричард продолжает сражаться на Святой Земле, бьется неистово за Христово дело и свою славу. А потом начинаются неудачи, и он заболевает лихорадкой. И в это время приходит известие, что Филипп готовит во Франции войну против него. Ричард мечется, не зная, что предпринять. Остаться в захваченной Аккре означало потерять свою страну, во всяком случае, многовековые владения английской короны во Франции... Что, что делать? И Ричард оставляет свои войска. Так поступит через несколько сотен лет Наполеон в Египте, а потом в Москве. И Наполеона обожают, обожают до сих пор!

По дороге обратно через Европу (Ричард I пробирался в Англию инкогнито) он попадает к австрийскому герцогу, чье знамя он когда-то растоптал. Тот решает свести счеты и берет Ричарда в плен, заточив короля в замок где-то на Дунае. А крестоносца, кроме как в бою, в плен брать было нельзя. Значит – нарушены высочайшие заповеди эпохи. И выходит Ричард – опять пострадавший.



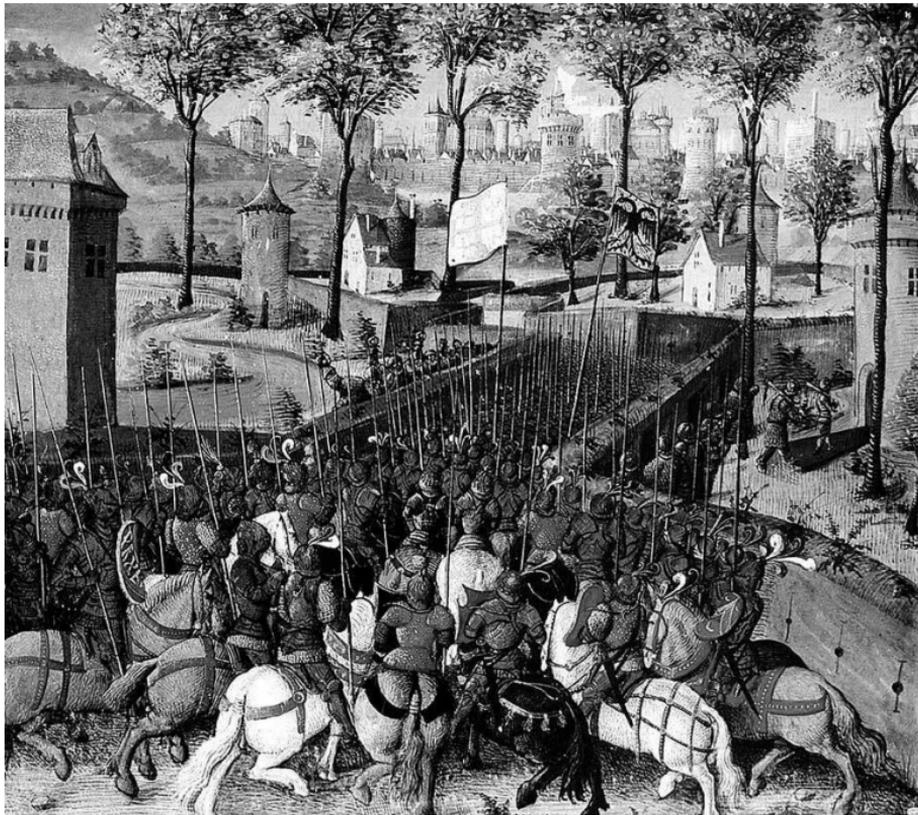
## Саркофаг Ричарда Львиное Сердце. Фото репродукции

Ричард как бы исчезает, никто точно не знал, где он находится. Уже в XIII веке появляется прелестная легенда про то, как он был найден. Некий трубадур бродил от замка к замку и пел балладу, сочиненную им вместе с Ричардом. И вот у очередного замка, пропев куплет, он услышал, как кто-то под самой крышей продолжает петь. «Ричард здесь!» – понял трубадур и рассказал это в своих песнях всей Европе...

Чтобы освободить короля, полагалось заплатить огромный выкуп. В Англии начался сбор денег. А французский король Филипп II вместе с братом Ричарда Иоанном платили, чтобы его не выпускали из плена! Это известно по документам. Платили за каждый дополнительный день, проведенный королем Англии в плену. И снова молва клеймит врагов Ричарда на века – предательство, предательство! Брат,

родной брат и французский король, которого они оба считали ближайшим другом, который посвящал его в рыцари, и вдруг – такое страшное коварство! Что по сравнению с этим две тысячи казненных неверных, вспышки гнева, грубость и несдержанность, которые так свойственны Ричарду...

Предательство, коварство – все это ужасно, и нет этому никакого оправдания. Но а если на минуту забыть об обидах, наносимых Ричарду то французским королем, то австрийским герцогом, то собственным братом? Какого Ричарда мы увидим? Что за поступки он совершил?



Крестоносцы осаждают Дамаск. 1138 г. Фото репродукции

Молодой человек, очень амбициозный, дважды участвовал в мятеже против отца, знаменитого английского короля Генриха II Плантагенета. В 1189 году в результате второго мятежа Генрих умер. Сразу после воцарения Ричард, обобрав Англию, отправляется в Крестовый поход, во время которого бесконечно ссорится с союзниками. Далее – перебил

две тысячи заложников, оскорбил этого несчастного Леопольда Австрийского. За что? Отказался жениться на сестре французского короля – то есть публично оскорбил девушку... Хотя и здесь все не так просто и пару слов надо сказать, справедливости ради. Судя по всему, эту девушку сделал своей наложницей его отец, Генрих. Далее Ричард покидает свое войско, потому что его власти угрожает младший брат. Затем плен, выкуп, который собирали ради него, и пустая казна Англии. Меньше чем через год он начинает воевать во Франции, потому что Филипп угрожает его владениям.

И наконец, последнее. Смерть от заражения крови. Перед кончиной он назначает своим наследником... Кого? Безвольного и мало пригодного к управлению государством братца, известного негодяя Иоанна Безземельного. Зачем? Почему? Да потому, что Ричарду наплевать было на Англию. Вот Бретань – другое дело, сюда он посылает племянника, Артура Бретонского.

Что же это за человек такой – Ричард Львиное Сердце? Противоречивый, страстный, готовый на неожиданные решения. И может быть, отчасти этим привлекательный. А если говорить о предательстве, ведь и он, этот рыцарь без страха и упрека, дважды предал отца. Говорят, над этой семьей, над всеми ее членами, тяготело проклятие Мерлина, знаменитого средневекового колдуна, который как-то изрек, что пришли они от дьявола и к дьяволу же уйдут, ибо в этой се-

мье сын будет восставать против отца, брат против брата. А если говорить об отношении Ричарда к Иоанну Безземельному, кажется, он хотел полюбить брата. Вот чем объясняется щедрый жест – передача престола Иоанну. Не то – сам Иоанн. В отношении него можно быть совершенно уверенным – никаких родственных чувств, только расчет и коварство. Это Иоанн позаботился о том, чтобы другого варианта не было в вопросе о престолонаследии. Ведь Артур Бретонский, сын Жоффруа, брата Ричарда и Иоанна, то есть их племянник, погиб при очень загадочных обстоятельствах.

Загадок немало и вокруг Ричарда. Например, после его возвращения из Крестового похода все ожидали, что он покарает, накажет Иоанна Безземельного за злодеяния. Ничего подобного он не сделал. Почему? И предательство, и история с пленом говорили не в пользу брата. И тут кроется какая-то тайна, никем не тронутая и немногими замеченная. Вряд ли любовь его к Иоанну была столь жертвенной. Тогда, быть может, он хотел сохранить образ Христова воина? Там, на войне, он был вспыльчив и гневлив, но, возможно, здесь, на родине, Ричард хотел предстать настоящим христианином, проявить гуманность?

Загадочна и смерть Ричарда. Известно, что в него попал стрелой некий рыцарь при стычке по мелкому поводу. А стрела, видимо, была отравлена. В советской литературе писали, что Ричард был убит на юге Франции «случайно пролетавшей стрелой». Хорош юг Франции, где случайно про-

летают стрелы!

Нет, думаю, совсем не случайно она там пролетала. Ричард Львиное Сердце был на пороге войны с Филиппом Августом, а французский король очень боялся этой войны, он боялся и самого Ричарда, отлично понимая, как сильно ему навредил и как может тот его ненавидеть. А раз так, лучше всего избавиться от него еще до начала войны. Кто знает, как она обернется! Найти рыцаря, который был бы обижен на короля, дело нетрудное. Вот он и нашел. Стрела вернее всего действительно была отравлена. И Ричард умер, несмотря на то, что рана была совершенно неопасна.

И опять легенды. Якобы, умирая, он просил близких не наказывать убийцу. Поистине королевский поступок! Вальтер Скотт так написал по этому поводу: «Лев не питается падалью». Более того, рассказывали, что умирающий король, узнав, что этот рыцарь некогда пострадал от несправедливости, приказал отпустить его и чуть ли не дать денег. И дальше молва рассказывает, что после кончины Ричарда его приближенные, охваченные печалью и яростью, вздернули этого рыцаря. Вокруг легендарных людей всегда легенды. Он сам дает для них повод!

Как это ни печально, никакие самые точные исторические сведения конечной истины нам не дадут. Ее надо бесконечно искать, причем не только в исторических источниках. С первой половины XX века и даже точнее – с Марка Блока, великого французского историка, стало понятно, что почвой для

реконструкции истины может быть и психология, и филология, и лингвистика. Стройте антропологическую историю – и тогда, пожалуй, вы поймете, насколько в ней больше жизненной полноты и правды, чем в самом добросовестном историческом исследовании! Вот почему мне кажется, что литературный взгляд на историю, при всех издержках, поправках, преувеличениях, вместе с тем дает то, чего не найдешь ни в каких документах. Даже простое сравнение Ричарда с Ахиллом, а Филиппа с Улиссом – высвечивает новую грань Третьего крестового похода, грань, которую никогда не обнаружишь ни в одном документе эпохи.

# Саллах ад-Дин

## *Рыцарь Востока*

Интересно, что Данте в своей «Божественной комедии», помещая Саллах ад-Дина (или, как его чаще называют, Саладина) в Ад, посылает его в самый щадящий, мягкий круг, где находятся личности совершенно особые, ни на кого непохожие, гениальные, такие, как, скажем, Цезарь, Гомер, Гораций, Овидий, Лукиан. Их единственная вина состоит в том, что они родились до рождения Христа. И вдруг вместе с ними – Саладин. Он-то родился после Христа, но главное он – «неверный»! Почему так решил Данте? Ведь у Саладина нет на это никаких прав. Может быть, гений ошибся? А может быть, просто последовал за легендой? Ведь мифы о Саладине, одни из самых изысканных, витиеватых, как восточный узор на ковре, напоминающие искусство Востока, рождались уже при его жизни.

О нем в самых восторженных и восхитительных тонах пишут не только арабские биографы, что совершенно естественно, потому что для них он – их Петр I, реформатор, истинный правитель, его всячески превозносят и христианские биографы. И получается, что образ его – это миф двух цивилизаций, случай несчастный, а может быть, и уникальный. Видимо, сама эпоха, XII век, Крестовые походы, и в ответ

– та священная война, или «священный поход», как первым назвал Саладин борьбу против христиан, стали источником этих мифов. Их различная стилистика зависит от того, к какой цивилизации принадлежит тот или иной рассказ о Саладине.

Недавно вышел фильм о Крестовых походах – «Царствие Небесное», сразу же замеченный публикой и встреченный ею с большим интересом. Авторы, режиссер, актеры, операторы – все, на мой взгляд, работали очень добросовестно и создали почти идеально достоверную картину, за исключением незначительных ошибок, о которых можно и не говорить, потому что главное – достигнуто. Очень точно психологически передано, что, в сущности, каждый, кто принял участие в Крестовых походах, нес с собой свою мечту. Мечта, возможно, у всех была разная, и зависела от обстоятельств – домашних, нравственных, материальных. Но мечта была. И там, на Востоке, эти замыслы либо воплощались в жизнь, либо погибали. Романтический ореол, которым окружили потомки тему Крестовых походов, коснулся и Саладина. Третий, самый знаменитый, крестовый поход (1189–1192) начинался как «поход трех королей» – Фридриха I Барбароссы (Германия), Ричарда I Львиное Сердце (Англия) и Филиппа II Августа (Франция). А Саладин был первым, кто организовал реальную оборону и наступление против крестоносцев, пришедших из Западной Европы.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.